

Ольга АСТАФЬЕВА

**СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ПАРАДИГМА В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ**

В статье рассматриваются проблемы ценностно-смысловых трансформаций в контексте глобализации как оснований становления новой образовательной парадигмы. Поднимается вопрос о сохранении образования как процесса «окультуривания» человека. В связи с этим предлагаются подходы к переосмыслению образования как социокультурного института, его социальных функций и роли в становлении личности.

Показана противоречивость сопровождающих глобализацию тенденций унификации и стандартизации. Утверждается целесообразность не только поддержки динамики инновационных предложений по реорганизации и реформированию системы, но и сдерживания обвала традиций, в том числе и путем стандартизации образовательного процесса и технологий, унификации информационных и программных продуктов. Ибо сложность и многообразие культурных и образовательных практик предполагает наличие ценностно-смыслового и организационно-структурного ядра, предназначение которого заключается не в приведении их к «общему знаменателю», а в формировании современной картины мира как основы коллективной идентичности, придающей устойчивость социуму и системе образования.

Рассматривая образование как национальный проект, автор утверждает стратегию инновационного развития, базирующуюся на согласовании механизмов самоорганизации и управления всех секторов социокультурного пространства. Анализируя альтернативные стратегии развития в условиях глобализации — «по модели рынка» и «по модели культуры» — автор раскрывает многоаспектную эффективность последней. В этом контексте рассматриваются проблемы идентичности в обществе знаний («окультуривание идентичности»), виртуализации образовательного пространства, профессиональной и социокультурной компетентности личности.

Глобализация и смена приоритетов в системе образования

В научных публикациях последнего времени, говоря о современных социокультурных процессах, исследователи все чаще обращаются к осмыслению проблемы ценностно-смысловых трансформаций, подчеркивают глубину и неоднозначность происходящих в мире изменений. Признается, что усиление рисков и опасности навязывания разным странам единого сценария культурно-цивилизационного развития во многом обусловливается глобализацией. При этом возрастающее значение образования, культуры и науки как особых областей человеческой деятельности, формирующих креативную природу человека и воспитывающих новый тип личности с сильными внутренними мотивациями для будущего воспроизводства знаний и информации, свидетельствует о становлении новой доминанты глобализирующейся реальности.

Признавая, что наращивание социокультурной динамики преимущественно по сектору высокотехнологичных и наукоемких производств, включение знаний и информации в число базовых производственных ресурсов имеют позитивные эффекты, исследователи также не отрицают и противоречивость сопровождающих глобализацию тенденций унификации и стандартизации в самых разных сферах человеческой деятельности. Безусловно, в перспективе предполагается, что формирующаяся среда «общества знаний» будет оказывать исключительно благотворное влияние на человека, открывая перед ним небывалые возможности, создавая ему пространство свободы для саморазвития и выбора пути реализации своих жизненных перспектив. При этом с «повестки дня» не снимается острота вопроса о сохранении образования как процесса «окультуривания» человека, так как при явном обновлении образовательных стратегий, да и всего процесса социализации и самоопределения в целом (во все времена это способствовало аккумуляции приобретаемых знаний, навыков, концентрации опыта), человек XXI века не освобождается от поиска ответов на вечные вопросы «Кто я такой?», «В чем мое предназначение?», «Чем и почему я отличаюсь от других людей?» Более того, стремясь соответствовать уровню современного культурно-цивилизационного развития, человек продолжает через культуру и образование искать пути к постижению собственной тождественности и целостности, учится быть субъектом собственной жизни в нестабильном мире.

Одновременно наблюдается тенденция переосмысления образования как социокультурного института, его социальных функций и роли в становлении личности. Все чаще поднимается вопрос о «полезности» образования как «традиционной» технологии передачи знаний и информации от одного поколения к другому в условиях современной культуры. На наш взгляд, проблема заключается в другом: действительно ли система отечественного образования, пережившая периоды кризиса и распада, отстает от уровня современной культуры? Всегда ли диверсификация (типов, форм, содержания, средств и методов) свидетельствует о качестве и эффективности образовательного процесса? Возможно, что «дробление», «вариативность» — не всегда

поиск нового, но и показатель ослабления «стержневых опор», нарастание кризиса и энтропии в системе? Если так, то в этих условиях целесообразно не только поддерживать динамику инновационных предложений по реорганизации и реформированию системы, но и сдерживать обвал традиций, в том числе и через процесс стандартизации образовательного процесса и технологий, унификацию информационных и программных продуктов.

На наш взгляд, в рамках единого образовательного пространства (страны, региона, межгосударственных объединений) такие процессы более чем необходимы, так как сложность и многообразие культурных и образовательных практик предполагают наличие ценностно-смыслового и организационно-структурного ядра, предназначение которого заключается не в приведении их к «общему знаменателю», а в формировании современной «картины мира» как основы коллективной идентичности, придающей устойчивости социуму и системе образования в том числе. Принципы открытости, динамичности, гуманитаризации, которые послужили основой серьезных преобразований, расширили пространство для поисков и экспериментов, подготовив тем самым базу для внедрения образовательных стандартов и их совершенствования. Так, образовательные стандарты третьего поколения открыли путь к свободным авторским прочтениям, далеким от откровенного «эмпиризма», к сохранению отечественных традиций и мобильности инноваций, снимающих барьеры между разными национальными системами образования.

При всем стремлении к объективности характеристик современной социокультурной ситуации, в реальной жизни в условиях гражданского общества любой тренд — это лишь одна из доминирующих стратегий, не исключающая всей сложности процесса социализации, обучения и воспитания. Человек не ограничен в свободе своего выбора, так как включен в нелинейную среду различных установок — идеалистических, реалистических, прагматических, экзистенциальных, которые раскрываются перед ним посредством различных механизмов культурной политики и системы образования. Это позволяет ему активно отстаивать свою собственную доминанту, чаще всего — многогранную и многоаспектную, развиваться как личность, но при этом его способность понимать других людей, вступать с ними во взаимодействие, умение быть полезным не только для себя, но и для общества представляются не менее важными аспектами. Жизнеспособность российского общества во многом зависит от решения таких приоритетных задач для всех ступеней социализации и уровней образования, как сохранение человеческой природы и уникальности каждой личности; формирование посредством обучения и воспитания позитивных жизнесохраняющих практик, способствующих реализации человеческого потенциала в контексте глобализационных изменений и др.

Образование как национальный проект

Образование, оставаясь ведущим механизмом воспроизводства социума в XXI веке, во многом определяется не только индивидуальными потребностями и ожиданиями людей, но и заинтересованностью государства в повы-

шении общего уровня культуры населения страны, ее ресурсных возможностей, прежде всего — «человеческого капитала». Потребность в устойчивости системы образования в условиях динамично развивающейся социокультурной реальности — научно-технической революции, глобальной информатизации и технологизации, охвативших наиболее развитые страны мирового сообщества, — предполагает стратегию инновационного развития, базирующуюся на согласовании механизмов самоорганизации и управления всех секторов социокультурного пространства. Эта стратегия способна обеспечить постепенный переход разных стран от модели информационного общества к модели «общества знания», основанной на серьезных изменениях в сфере создания, передачи и обработки информации, а также влечет за собой не только комплексные преобразования в области науки, экономики, культуры.

Радикальность этих изменений, базирующихся на открытости мира, развивает способности людей к новаторству, динамизирует процесс познания. Поэтому приоритетными задачами для многих государств в равной степени выступают как достижение высокого уровня и темпов внедрения этих принципов в образовательную систему, так и смена моделей подготовки специалистов во всех звеньях системы образования. Понимание того, что наращивание интеллектуального потенциала каждой страны идет не только через создание системы многообразного и непрерывного образования («образование через всю жизнь»), но и предполагает сохранение национальных традиций, достижение культурной компетенции, воспитание гражданской и нравственной зрелости, эстетического отношения к действительности, послужило основой для разработки Россией Национального проекта «Образование».

Таким образом, задачи этого Национального проекта выходят далеко за рамки организационных преобразований и финансово-экономических проблем. России не безразлично, каково ее место в мировом образовательном и научном пространстве, в целом — в пространстве культуры глобализирующегося мира и поэтому концептуальность объявленного проекта видится не только в поиске ответа на вопрос, насколько стране удастся обеспечить сбалансированное развитие собственной культуры и сохранить сложившуюся научно-образовательную систему в наступившем XXI веке, но и насколько современная система образования способствует становлению человека современной культуры, помогает его самоопределению в жизни и самореализации своих способностей. И если бы такая широкая постановка проблемы была бы более четко прописана, то тогда, конечно, логичнее было бы принять сразу комплексный Национальный проект «Культура», где сфера культуры и образования выступали в своей реальной ипостаси — как единая целостность, обеспечивающая включенному в нее человеку возможность удовлетворения широкого спектра потребностей и интересов, обретение устойчивого социального статуса.

Несомненно, что проведение модернизации всей социокультурной системы также позитивно сказалось бы на воспроизводстве «человека культуры» обновляющейся России. Однако даже проявленное внимание государ-

ства к образовательной сфере имеет немаловажное значение для всего общества, ибо свидетельствует о направленности государственной политики не только на экономический рост, но и на решение проблем подрастающего поколения (на это же работают практически все Национальные проекты, прежде всего – «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Развитие агропромышленного комплекса», «Образование», «Здоровье»). Думается, что постепенно в обществе осознается опасность нарастающих рисков в системе образования и воспитания, проявляющихся в социальных деструкциях и снижении «духовного потенциала» нации, асимметрии знания вследствие «когнитивных разрывов», во многом обусловленных устаревшей инфраструктурой системы образования в России.

Есть и другой не менее существенный аспект, в силу чего реализация национального проекта представляется весьма своевременной. Мы имеем в виду необходимость качественной модернизации отечественной системы образования в связи с участием нашей страны в Болонском процессе. Постепенное внедрение рекомендаций Болонской декларации, направленных на введение общепонятных классификаций в области высшего образования, на повышение мобильности студентов и преподавателей, конкурентоспособности европейского образования и др., будет способствовать формированию единого глобального образовательного пространства и не должно привести к отказу от принципов фундаментализации образования и концепции опережающего образования, от традиций отечественной системы образования и науки в целом и снижению доступности образовательных услуг для населения России. Главное, как показывает отечественный опыт, не перестараться ни в критике Болонского процесса, ни в «рвении» к нововведениям. Хотелось бы сохранить отношение к образованию и науке как к важнейшим социокультурным институтам, обеспечивающим культурно-цивилизационную идентичность России в глобализирующемся мире. Повторим: достижение целей подобного масштаба требует разработки комплексного Национального проекта «Культура».

Культуроцентризм и экономоцентризм: в поисках доминанты социальных преобразований

Интеграционная доминанта современной волны глобализации формирует новую шкалу ценностей. Она обуславливается повышением значения неэкономических мотивов, открытостью образования как процесса транснационализации культурного пространства¹, позволяющего обогащать локальные системы образования новыми структурами, обеспечивающими трансферт образовательных услуг и научной продукции по всему миру. Смена приори-

¹ Сущность процесса транснационализации культурного пространства раскрыта в работе: Астафьева О. Н. Транснационализация культурного пространства и проблема координации коммуникативных стратегий // Человек, культура и общество в контексте глобализации: Доклады и материалы Международной конференции (Москва, 25–27 ноября 2005 г.). – М.: Изд-во РИК, 2006.

тетов происходит в мире по-разному: в одних странах идет относительно медленными темпами, в других — становится определяющим фактором социокультурной динамики, поэтому, с одной стороны, очевидны сверхбыстрое совершенствование технологий, усиление ориентации на ускорение процесса демассификации и дематериализации производства, повышение значения человеческого ресурса, с другой — различные темпы модернизации. Это является показателем сильной нелинейности глобализационного процесса, способствует еще большей разделенности мира по цивилизационным и социальным критериям. Миграция, бедность, болезни, безграмотность, религиозный экстремизм, терроризм — глобальные проблемы, которые усиливаются под влиянием мировых интеграционных процессов. Что же может помочь человеческой цивилизации преодолеть кризисный вариант развития? Говоря иными словами, наступило то время, когда каждому государству и человечеству в целом придется определиться с выбором: по какой модели развиваться глобализации?

По мнению известного отечественного культуролога В. Межуева, выбор пути развития в условиях глобализации ограничен двумя альтернативными стратегиями — «по модели рынка» и «по модели культуры». Главная цель глобализации «по модели культуры» — предоставить людям, независимо от их национальности и места проживания, равное право на знание и культуру, тем самым способствуя их культурному росту и развитию (в том числе, и росту их материального благополучия), ибо экономический рост обеспечивается только культурным равенством². Добавим, что именно через полноценную реализацию прав человека в культуре создаются предпосылки для экономического развития, при этом экономическое развитие не всегда ведет к «выравниванию» конфигураций разных культур. Более того, к упрощению культурного ландшафта. Напротив, экономический подъем способствует повышению роли культуры в обществе, улучшению условий для сохранения традиций и для обновления культурной среды, приводит к активизации инновационной составляющей, которая, в свою очередь, и обеспечивает экономическое развитие. Таким образом, в основе стратегии глобализации «по модели культуры» лежит принцип сверхсложной «петлеобразной причинности», в то время как глобализация «по модели рынка» предполагает сохранение «экономического детерминизма». Объединение, развертывающееся только на основе экономических, рыночных рычагов, является поверхностным, — считают и другие отечественные исследователи³.

Сущность глобализации «по модели рынка» достаточно точно определяет лауреат Нобелевской премии, португальский писатель Жозе Сарамагу: когда глобализация выступает исключительно экономической глобализацией, то становится новой формой тоталитаризма, мешающей реализации

² Межуев В. М. Модернизация и глобализация — два проекта «эпохи модерна» // Глобализация и перспективы современной цивилизации / Отв. ред. К. Х. Делокаров. — М.: РАГС, 2005. — С. 9–24.

³ Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. — М., 2005. — С. 12.

принципов демократии. В этих условиях благополучие интегрирующегося европейского континента не спасет никакое супергосударство, ибо оно не способно решить те проблемы, которые входящие в него нации не смогли или не захотели решить в собственных странах⁴. Как показывает реальная практика, это вопросы, прежде всего связанные с возможностями реализации социальных и культурных прав человека. Их нарушение пока не позволяет говорить о подлинном объединении мира, которое может произойти на основе нового культурного ренессанса.

Из этого следует, что на данном этапе глобализации принципиальное значение приобретает поиск каждой страной новых принципов взаимодействия политики, экономики и культуры, ибо сегодня они образуют сверхсложное единство, где каждая из сфер дополняет друг друга, исходя из принципа когерентности. Данный принцип предполагает согласованное поведение субъектов во времени и пространстве относительно основных целей и направленности процессов, происходящих во всех основополагающих областях социальной практики. Когерентность не снижает самостоятельности каждой из этих сфер, сохраняя за ними относительную автономность. Тем не менее, согласованные действия субъектов позволяют достичь гармонии между этими сферами, а результатом их взаимодействия становятся когерентные социокультурные образования, обладающие мощным ресурсным потенциалом, повышающим конкурентоспособность государства. Многообразные варианты когерентного взаимодействия политики, экономики и культуры, известны всему миру (Япония, Финляндия, Голландия и др.), эффективность одновременной мобилизации комплексного потенциала той или иной страны на достижение конкретных целей подтверждают плодотворность и своевременность отказа ими от принципов экономического детерминизма, которым поддерживается реализация проекта глобализации «по модели рынка» во многих странах.

Сегодня уже говорят об экономике, основанной на знаниях, или экономике знаний, понимая, что результатом когерентности разных областей становится экономика, которая создает, распространяет и использует знания для обеспечения своего роста и конкурентоспособности. И это вполне обоснованно, так как в современной конкуренции решающую роль играет не столько население (так было в доиндустриальном обществе, хотя демографические проблемы не утратили своей актуальности и сегодня), и не столько доступ к рынкам, как в индустриальном обществе, сколько качество и интенсивность обучения людей и организаций. Разумеется, при этом доминирующей сферой становится сфера услуг, прежде всего интеллектуальных. Это влечет за собой формирование системы непрерывного образования, появление новых образовательных структур, способных охватить широкие слои населения, а значит быть доступными для большинства желающих повысить свой профес-

⁴ Сарамату Ж. Почему я поддерживаю антиглобалистов // Россия в глобальной политике. – Т. I. – № 1. – Январь – март. – 2003. – С. 176–180.

сионализм и квалификацию, развивать творческое начало и гибкость мышления, в конечном счете — стать более мобильными в современном мире, уметь быстро адаптироваться к изменяющимся условиям.

Идентичность в обществе знаний

Ответ на вопрос «Насколько России необходимо следовать общей тенденции?» вроде бы и не вызывает сомнения, однако поиск альтернативных стратегий развития культуры России в условиях глобализации оказывается не таким простым делом. Сохранение национальной системы образования, своеобразия которой связано с уникальностью ее духовно-культурного ядра и его ценностно-смысловой доминанты, основанного на принципах нравственности и гуманизма, в условиях транснационализации культурного пространства и в контексте сильной неустойчивости социокультурного пространства в конце 90-х годов XX века, по мнению А. Ахиезера, сопровождалось попытками выйти за пределы традиционных ценностей и принять ценности либерально-модернистской культуры. Это привело к противостоянию нравственных идеалов, а образовавшийся между ними «вакуум» заполнился утилитаризмом, главным образом в своих примитивных формах. Утилитаризм, с его способностью превращать все в средство, создавал условия для различных манипуляций с исторически сложившимся нравственным схематизмом общества, для появления различных нравственных гибридов»⁵.

Одним из проявлений этой тенденции стал кризис идентичности как естественное следствие ослабления социокультурных институтов (в том числе и образования), и процесс становления новой коллективной идентичности совпал с постижением других культур, активизацией международного обмена культурными товарами и услугами, закрепляющими новые формы организации культурной жизни, социализации и профессионализации.

Усложнение культурного пространства выступает процессом образования нового уровня личностной культуры, который обеспечивает психологическую адаптивность человека к культурным изменениям, способствует социальной мобильности, выступает базовой характеристикой новых типов социокультурной идентичности в глобализирующемся мире. Речь идет о том, что современные интеграционные процессы сопровождаются «расшатыванием», «размыванием» этнокультурной идентичности, появлением новых форм самоопределения человека в глобализирующемся мире. Формирующиеся веками ценностно-смысловые основания, собирающие нации в единое целое, под воздействием других культур, активизируя механизмы адаптации, становятся не только принимающей стороной, но и источником развития культу-

⁵ Ахиезер А. С. Российская цивилизация: специфика массовых решений // Российская цивилизация: специфика массовых решений: Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара клуба ученых «Глобальный мир». — Вып. 10 (35). — М.: Новый век, 2003. — С. 14.

ры другой общности. Отсюда, однако, и возрастающее стремление к сохранению своей культурной самобытности, не исключающее признания роли и значения универсальных ценностей культуры.

Сегодня становится очевидным, что информационное общество, становлением которого сопровождается эпоха глобализации, расширяет уровни идентичности и возможности самоопределения человека через цивилизационный, социокультурный, региональный, этнический уровень идентичности. Но культура во всей своей целостности (в данном случае имеются в виду все ее структурные составляющие — наука, образование, религия, искусство и т. д.), как и прежде, выступает основой идентификационной модели, а значит — границы культуры сохраняются и различия между культурами не утрачивают своего значения.

Заметим, в обществе знаний социокультурная идентичность в значительной степени формируется уже не только семьей, школой, вузом, трудовым коллективом и т. д., она складывается под сильным воздействием медиасреды и виртуальных информационно-коммуникативных систем. В свою очередь, глобализация (а в аспекте нашего исследования — транснационализация) культурного поля за счет насыщения информационно-коммуникативного пространства каждой культуры путем создания медиа-пространств и виртуализации культурной среды, включающих разные формы аудиовизуальной коммуникации, вплоть до интерактивного взаимодействия, способствует расширению масштабов деятельности создаваемых транснациональных систем образования и науки. Естественно, что информатизация, медиатизация и виртуализация социокультурного пространства предполагают совершенствование системы образования, ибо она выполняет одновременно функции формирования «стержня» личности, а также позволяет человеку постигать технологии выстраивания прогностических идентичностей. Образование помогает человеку ответить на связанные с его жизненными проектами вопросы: «Каким я себя хочу видеть?», «Каким человеком я могу стать?»

Сделать это в современных условиях «мозаичного мультикультурализма» весьма непросто, ведь сегодня говорят уже и о «конкурирующих идентичностях» (С. Хантингтон) и формировании «глокалитета» (И. Кондаков). Признается становление глобального менталитета «за счет повсеместного, едва ли ни универсального, распространения сходных черт, стандартов и норм образов жизни, приобщения к общечеловеческим ценностям мышления и поведения»⁶. С другой стороны, по мнению М. Губоглы, «набирает обороты тенденция, в ходе которой народы реализуют стремление к утверждению идентичности за счет сохранения и культивирования своей самобытности, что порой приводит к обособлению или даже изоляции, а в итоге — осложняется многообразием»⁷. Жесткая легитимизация, контроль за границами своих

⁶ Губоглы М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. — М.: Наука, 2003. — С. 70.

⁷ Там же.

культур не раскрывает жизненные перспективы, напротив, сужает горизонты самореализации.

Вообще, процесс «окультуривания идентичности» очень сложный и непредсказуемый. Поэтому, говоря об основных формах становления идентичности в обществе знания, следует отметить, что культура сохраняет за собой свойство основы самоидентификации, но это иная культура — не «мертвая традиция», а изменяющаяся и эволюционирующая культура, с подвижной конфигурацией своей целостности, открытая для «Другого», при этом согласовывающая и связывающая людей. Желательно, по мнению С. Бенхабиб, чтобы обществом учитывалось взаимодействие структурных и культурных императивов, а также функционально-структурные императивы материальных систем действия (экономика, бюрократия, различные социальные технологии) и символически-образные императивы систем надления смыслом культур⁸. Тогда открытость и культурный плюрализм помогут не только сохранить собственную национальную культуру, но и сформировать единую идентичность, без ущерба для ее целостности и для других уровней идентичности.

Изменения социокультурного пространства способствуют разрастанию кризиса идентичности молодежи, которая стала утрачивать целостность и устойчивость, становясь более изменчивой и дезинтегрированной, активнее проявляя склонность к отрицанию прежних коллективных идентичностей в пользу новых индивидуальных ценностей⁹. Смена идентичностей — закономерный процесс, так как они формируются социальными процессами, считают П. Бергер и Т. Лукман, и эти идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на нее — поддерживают, модифицируют, переформируют. «Общества обладают историями, в процессе которых возникают специфические идентичности, но эти истории, однако, творятся людьми, наделенными специфическими идентичностями»¹⁰, — таков вывод исследователей. Система образования — не только одна из наиболее значимых систем, способствующих формированию идентичности членов общества, но и эффективное средство социального воспроизводства сообщества. В условиях интенсификации процесса информатизации социокультурного пространства как центральной характеристики общества знания, неизбежным является трансформация системы образования.

Виртуализация образовательного пространства

Новые информационно-коммуникативные контексты — открытость социокультурного пространства, новые принципы коммуникации повыша-

⁸ Бенхабиб С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2003. — С. 13.

⁹ Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. — М., 2003. — С. 200.

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М., 1995. — С. 279–280.

ют не только степень свободы, но и степень ответственности людей за возможность быть включенными в новый, все более усложняющийся, мир. В этой связи возникает множество новых вопросов: «Как формируется коллективная идентичность в информационном обществе?», «Кто несет ответственность за становление системы ценностей и образов в сетях?»

Дело в том, что осуществляя переход от индустриального к постиндустриальному обществу, человечество совершило переход от реального к виртуальному обществу. Но можно ли считать этот факт однозначно позитивным? По мнению П. Вирилио, он способствует исполнению надежд и желаний «невзрослеющего общества». Найденный им образ людей, предпочитающих обманчивую виртуальную реальность социокультурной реальности, свидетельствует о развитии автоматизма, когда по мере развития технологий замещаются «ошибочные действия» этого принципиально невзрослеющего общества¹¹. «Мы уже не в состоянии отделить развитие сети от технического прогресса, который в ближайшие десять лет выразится в оцифровке всей аналоговой информации, составляющей знание. Цифровые коды грозят стать основой всей коммуникации», а конкуренция между картинками — всеобщей, ибо «нарушает общий временной режим образной информации. Экран против экрана, монитор домашнего компьютера и кинескоп телевизора станут местом борьбы за первенство на всеобщем рынке восприятия, с появлением контроля за которым начнется новая эра и в этике, и эстетике»¹².

Виртуализация общества приводит к «цифровым разрывам», нарушению иерархической связи между поколениями. И не только потому, что исторические личности и связанные с ними реальные события вырываются из контекста культуры и в одном времени-пространстве сосуществуют с мифологическими героями и виртуальными субъектами, но и вследствие того, что взаимодействие между людьми в реальном пространстве-времени утрачивает истинную значимость для развития личности. «Вытеснение» и замещение представлений, символов и знаков, формирующих ценностное сознание и фиксирующих преемственность поколений, особенно отчетливо проявляется на обыденном уровне культуры. В системе образования ценностно-смысловые доминанты также ослаблены, поэтому кризис идентичности будет только нарастать.

Заметим, что процесс накопления, собирания, активного постижения идеалов и ценностей у молодого поколения происходит по принципу современных паззлов («подходит — не подходит») и, как правило, сопровождается ослаблением или исключением пласта традиций и преемственности из процесса социализации и инкультурации. Одним из результатов является маргинализация определенной части подрастающего поколения. Снижение потребности как в личностной (индивидуальной), так и в национально-культурной (коллективной) идентичности как потребности воспринимать себя отличным от других, потребности быть включенным в сообщество на равных

¹¹ Вирилио П. Информационная бомба: Стратегия обмана / Пер. с фр. — М., 2002. — С. 77–81.

¹² Там же. — С. 89–90.

свидетельствуют о несформированности потребности в корнях, в долгосрочных коммуникациях, в системе взглядов, в доверии и преданности. Общеизвестно, что такие потребности формируются культурой, постижение которой происходит в процессе социализации и инкультурации. Устранение любого из обязательных звеньев в процессе становления человека приводит к разрушению структуры личности. Личностные деструкции, ослабление адаптационных механизмов, не позволяющих современному человеку вступать в систему современных информационно-коммуникативных связей, усиливают в обществе социальную разобщенность.

После того времени, когда показатель «грамотность» — «неграмотность» был одним из основных дифференцирующих факторов, прошла жизнь нескольких поколений, однако только к 2002 году неграмотное население России (к нему относятся люди, не умеющие читать и писать) составило всего 0,5% от общего числа россиян (значительная часть неграмотных — это престарелые люди и лица с тяжелыми физическими и умственными недостатками)¹³. Зафиксирован и рост образовательного уровня населения: 109,4 млн. человек имеют основное общее, среднее и высшее профессиональное образование, что на 20% больше по сравнению с 1989 годом. Хотя численность сельского населения постепенно снижается (уже 73,3% составляет доля городского населения России), сохраняются недопустимо огромные «разрывы» между уровнями культуры. Выявленные тенденции, тем не менее, нельзя оценивать только положительно: «письменной грамотности», постигаемой через систему образования (независимо от территории проживания), сегодня уже недостаточно, чтобы закрепиться в определенной стратификационной нише или достичь определенного социального статуса.

Общеизвестно, что степень дифференциации людей по разным критериям (по возрастной структуре, по полу, по уровню образования и уровню жизни, социальному статусу и месту проживания и т. д.) достигла в современной России своей предельной точки. Говоря о доступности знания, эти названные критерии, по которым можно судить и о состоянии социокультурной идентичности различных групп и поколений, необходимо дополнить еще одним показателем — фактором включенности человека в новые информационно-коммуникативные системы и технологии. Заметим, по мнению некоторых специалистов, неустойчивость идентичностей в современном мире, и в России в том числе, во многом связана с трансформацией социальных связей и отношений, в том числе и межпоколенных, которые обусловлены введением новых технологий передачи знаний и социокультурного опыта. Вне такого широкого понимания анализ социокультурной идентичности вообще не представляется им возможным¹⁴.

¹³ Здесь и далее см.: Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 года = The 2002 all - Russia population census: main results. — М., 2003. — С. 17–19; 25.

¹⁴ О специфике понимания понятия «идентичность» в разных областях социально-гуманитарного знания, см.: Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л. Шнейдер. — М., 2001. С. 26–45.

Оттолкнувшись от этих утверждений и полностью разделяя их, заметим, что в конце XX века среди критериев идентификации поколений усилилось значение критерия включенности в ту или иную информационно-коммуникативную систему, адаптации и освоения ранее не функционирующих в обществе технологий передачи знаний и опыта.

Сегодня «компьютерная грамотность» проводит еще более четкую демаркационную линию не только между людьми, но и между сообществами культуры. «Информационные технологии делают все более легким распространение информации через национальные границы, а средства быстрой связи — телевидение, радио, факс и электронная почта — размывают границы устойчиво существовавших в течение долгого времени культурных сообществ», — пишет Френсис Фукуяма в «Великом разрыве», развивая идею «слома эпох»¹⁵.

Насколько философ прав, когда говорит, что переход от индустриальной эры к информационной стал периодом обострения негативных социальных тенденций, привел к деградации социальных связей и общих ценностей?

Всегда ли преодоление этого «великого разрыва» в социальной организации, образовавшегося вследствие технологического прогресса, поиски нового социокультурного порядка одновременно выступали в истории как периоды освобождения индивида от ненужных, стесняющих его социальных связей и ограничений?

По мнению М. Кастельса, Э. Тоффлера, Дж. Стиглица и других исследователей, отсутствие жестко выраженной иерархической соподчиненности элементов социальной системы, широкое развитие горизонтальных связей и «размытые» социальные структуры — это признаки нового информационного общества. В этой связи прав Ф. Фукуяма, что сопровождающие его изменения (прежде всего, динамичная экономика технологических инноваций) могут в силу своей природы, разрывать существующие социальные связи¹⁶. Поэтому, несмотря на то, что интеграционные процессы требуют обеспечения информационного взаимодействия между различными обществами (этому способствуют глобальная телекоммуникационная система Интернет, электронные системы связи и технологии и т. д.), для всего человечества очевидна значимость не только растущей информатизации социального пространства и связанные с ней технические и технологические проблемы, но и проблема сохранения гуманистических ценностно-смысловых оснований в различных культурах. «Великий разрыв» в системе ценностей, связанный с появлением культуры «неограниченного индивидуализма», разрушает нормы и образцы, всю систему координат, скрепляющую ткань общества, задавая процессам самоорганизации личности определенный вектор. Одним из таких векторов становится усиление утилитарной направленности образовательной парадигмы.

¹⁵ Фукуяма Ф. Великий взрыв / Пер. с англ. — М., 2004. — С. 12.

¹⁶ Там же. — С. 24.

Образование как путь к успешной профессиональной деятельности

В современной системе образования для современного этапа развития страны установка обучения на практическую, общественно-полезную, активную жизнь не должна мешать развитию индивидуальности человека. Такое возможно при условии, если стратегии обучения будут ориентированы прежде всего на знания, не просто полезные в реальной практической жизни, а создающие серьезные основания для формирования конкурентоспособной личности, знания — как обязательное условие для обретения человеком самостоятельности.

В определенной степени это уже не примитивная концепция «полезного знания», приносящего сверхбыструю экономическую выгоду, это — новая концепция перехода от квалификационного принципа к компетентностному в системе образования. Компетентный человек в данном случае рассматривается как целостная личность, интегрирующая и интеллектуальное, и коммуникативное, и рефлектирующее, и самоорганизующее начало, что позволяет ему осуществлять разные виды социальной, экономической и культурной деятельности.

Через образовательный процесс закладывается определенная модель деятельности, в которой цели, содержание и методы направлены не только на репродукцию знаний и умений, но, прежде всего, на творчество и самоопределение, открытость к социальным коммуникациям и взаимодействию. Качество и эффективность профессиональной деятельности, в которую включается выпускник образовательного учреждения, является интегральным показателем компетентности — уровня синергичности как результата взаимодействия системно организованного начала и самоорганизационного процесса личности. Полученная же в процессе обучения квалификация становится неотъемлемой частью социокультурной компетентности, что позволяет относить ее к ряду основных показателей компетентности выпускника образовательного учреждения, свидетельствующей об уровне соответствия индивидуальных показателей ожиданиям работодателя и общества. В этом, несомненно, проявляется экономическая эффективность образования, о котором в обществе знания говорят, в том числе, и языком цифр, но одновременно это может рассматриваться и как ориентация на культуру активного жизненного поведения, формирующую позитивную стратегию поведения в рыночных условиях.

Таким образом, вопрос о достижении когерентности экономики, политики и культуры имеет не только теоретическое, но и практическое значение, а ориентация России на развитие в условиях глобализации «по модели культуры» позволит рассматривать образование как один из мощных ресурсов конкурентоспособности страны. Добавим, при условии, что различия в уровне знаний между гражданами нашей страны не привели бы к другому социокультурному «разрыву», связанному с недоступностью образования и ограничением возможностей получения знаний.

Завершая, подчеркнем, что формирование информационного общества, переходящего сегодня в свой новый этап развития — общество знаний, порождает ситуацию, при которой господствующие в информационно-коммуникативном пространстве ценности и смыслы могут создавать угрозу другим идентичностям. Ощущение независимости логики глобальных сетей от культурной идентичности ошибочно, ибо соединить ценности информационного общества и национально-культурный менталитет способна национальная легитимирующая идентичность, которая формируется через систему образования. В свою очередь, на систему образования общество по-прежнему возлагает ответственность за становление личности. Хотя этот процесс длится всю жизнь и требует огромных усилий общества и максимального напряжения жизненных сил и способностей от каждого человека, он в большей мере связывается с созданием благоприятных условий и возможностей, позволяющих индивиду стать социально конкурентоспособной и мобильной личностью, со сложившимися ценностными ориентациями и духовным миром. Особые надежды общество возлагает на систему высшего образования, которая должна способствовать обретению молодежью необходимой интеллектуальной и культурной компетентности, помочь новому поколению на этапе жизненного старта, укрепить его возможности в социальной самореализации¹⁷. Возрастание требований к сфере образования в целом предполагает формирование в нашей стране новой инфраструктуры управления качеством, а реализация Национального проекта создает основания для решения множества проблем.

Особое значение в этой связи приобретает развитие разных форм партнерского взаимодействия между бизнесом и системой профессионального образования, когда посредством формирования системы «заказов», коммерческих проектов по подготовке специалистов бизнес будет решать вопрос профессионального самоопределения и трудоустройства выпускников, а повышающееся качество подготовки специалистов связываться с современным уровнем запросов работодателей (профессиональный профиль, квалификационные характеристики). Расширение практики социального партнерства образовательных учреждений с работодателями, гражданами и общественными организациями, вовлечение их в процесс выработки и принятия решений по проблемам образования — серьезная заявка России на гражданское общество¹⁸.

¹⁷ См. об этом: Астафьева О. Н. Высшее образование и развитие личности в сетевом пространстве // Высшее образование для XXI века: Научная конференция, Москва, 22–24 апреля 2004 г.: Философские, социологические, экономические проблемы высшего образования: Доклады и материалы / Отв. ред. И. М. Ильинский. — М.: МосГУ, 2004. — С. 7–22.

¹⁸ Данная проблема получила всестороннюю оценку на Парламентских слушаниях по теме «Эффективное партнерство высшей школы и бизнес-сообщества как условие качества и конкурентоспособности российского образования, законодательный аспект» в Государственной Думе Федерального собрания РФ (21 марта 2006 г.).

Между тем, степень участия государства в согласовании интересов сферы культуры, науки и образования является своеобразным показателем как внутреннего социального и экономического благополучия, так и свидетельством укрепления международных позиций. Стремление к открытости, расширению международных научных и образовательных обменов по самым разным каналам (участие в этом процессе вузов, научных и образовательных центров, фондов и т. д.) позволяет реализовать идею «единого образовательного пространства», заложенную в «Дорожной карте» (Москва, 2005 г.). Тем самым продвижение общих ценностей через систему образования и культуры будет способствовать повышению конкурентоспособности экономики России и Европейского Союза. Однако «международный трансферт знаний в товар» не решает, по мнению экспертов, вопросов внешнего потребления образовательных услуг, «утечки мозгов», качества российского образования и его привлекательности, как для российских, так и для иностранных студентов, а программы «двойного диплома», по существу, сохраняют правовые основы транснациональной поставки, прежде всего, на российский рынок иностранных образовательных продуктов. Отсутствие единого институционального поля с едиными нормами и правилами взаимодействия импортеров и экспортеров образовательных услуг при расширении свободно-рыночных отношений не создает защитного механизма национальных образовательных рынков от негативных внешних воздействий. Для России, в частности, это — вопрос сохранения системы образования как ее одного из конкурентных преимуществ¹⁹.

Завершая, подчеркнем, что экономическая целесообразность не исключает создания протекционистских мер для защиты собственного рынка труда в образовательной сфере, ибо развитие глобализации «по модели культуры» — это развитие, направленное на расширение возможностей самореализации человека в условиях модернизации и нестабильного глобализирующегося социокультурного пространства.

Ольга Астаф'єва. Сучасна освітня парадигма в контексті соціальних і культурних змін

У статті розглядаються проблеми ціннісно-сміслових трансформацій у контексті глобалізації як засад становлення нової освітньої парадигми. Порушується питання про збереження освіти як процесу «окультурення» людини. У зв'язку з цим пропонуються підходи до переосмислення освіти як соціокультурного інституту, її соціальних функцій та ролі у становленні особистості.

¹⁹ Дудина И. А. Компетентностный подход к международному трансферту знаний в товар // Большая восьмерка в глобализирующемся мире: новые подходы в науке и образовании. — СПб: Астерион, 2006. — С. 81–87.

Показана суперечність тенденцій уніфікації та стандартизації, що супроводжують глобалізацію. Стверджується доцільність не тільки підтримувати динаміку інноваційних пропозицій щодо реорганізації та реформування системи, але й стримувати обвал традицій, зокрема через стандартизацію освітнього процесу і технологій, уніфікацію інформаційних та програмних продуктів. Оскільки складність і різноманітність культурних і освітніх практик обумовлює наявність ціннісно-сміслового та організаційно-структурного ядра, призначення якого полягає не в приведенні їх до «загального знаменника», а у формуванні сучасної картини світу як основи колективної ідентичності, що надає сталості соціуму й системі освіти.

Розглядаючи освіту як національний проєкт, автор пропонує стратегію інноваційного розвитку, що базується на узгодженні механізмів самоорганізації та управління усіх секторів соціокультурного простору. Аналізуючи альтернативні стратегії розвитку в умовах глобалізації – «за моделлю ринку» та «за моделлю культури» – автор розкриває багатоаспектну ефективність останньої. У цьому контексті розглядаються проблеми ідентичності в суспільстві знань («окультурення ідентичності»), віртуалізації освітнього простору, професійної й соціокультурної компетентності особистості.

Ol'ga Astaf'eva. Contemporary Educational Paradigm in the Context of Social and Cultural Changes

The article is devoted to the problem of transformation the values and meanings in the context of globalization where the mentioned issues is viewed as basis for developing a new educational paradigm. Some approaches have been suggested to reassess the education as a social and cultural institute, its functions and role in personality's development.

It has been pointed out at contradiction between two main tendencies – unification and standardization – which follow the globalization. It is argued not only to maintain the dynamics of innovative projects regarding the reorganization and reformation of a system but to control the falling-off the traditions, in particular through standardization of an educational process and technologies, unification of information and programming. The complexity and diversity of cultural and educational practices stipulates the existence of value-meaning and organization-structural core, the aim of which is to create a present-day pattern of world as a ground for collective identity that contributes to stability in a society and education.

By considering the education as a national project the author puts forward the strategy of innovative development based on bringing together the mechanisms of self-organization and management of all sections of social-cultural area. The author analyses two alternative strategies in the context of globalization – «market model» and «cultural model» – and points specifically at the multi-aspect efficiency of the last one. In this sense the problems of identity in a society of knowledge («educated identity»), virtualization of educational area, and professional and personality's social-cultural competence are examined.